

И. Р. Чикалова,

Белорусский государственный педагогический университет
имени Максима Танка,
г. Минск, irina_chikalova@mail.ru

КОНЦЕПТЫ «ФРОНТИР» – «ГРАНИЦА» – «ПОГРАНИЧЬЕ» В ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОМ АРСЕНАЛЕ УЧЕНЫХ-ГУМАНИТАРИЕВ

The article discusses the concepts «frontier» – «border» – «borderlands» and the methodological possibilities of using them by the humanitarian scholars in the research purposes when discussing the process of formation of the nation and the state. Prospects of the topic of borders and borderlands as the context and/or the structural element of national identity politics, in particular, the Belarusian identity is shown.

Артыкул прысвечаны разгляду канцэптаў «францір» – «мяжа» – «па-межжа» і метадалагічным магчымасцям выкарыстання іх навукоўцамі-гуманітарыямі ў даследчых мэтах пры абмеркаванні працэсаў фарміравання нацыі і дзяржавы. Паказана перспектыўнасць разгляду тэмы межсаў і па-межжа як кантэксту і/або структурнага элемента палітыкі нацыянальнай ідэнтычнасці, у прыватнасці, беларускай.

Один из основателей геополитики Фридрих Ратцель в своей двухтомной книге «Антропогеография» (1882, 1893), исходя из понимания пространства как политического ресурса и географической обусловленности внешней и внутренней политики государств, указал на значение в процессе образования государства естественной границы. Его взгляды оказали влияние на американского историка Фредерика Тернера. В докладе, представленном на заседании Американской исторической ассоциации в Чикаго в 1893 г., он обратился к обсуждению роли в американской истории подвижной границы между поселениями белых жителей Северной Америки и еще не занятой ими территорией.

Эта подвижная граница у Тернера получила название *фронтира* (англ. frontier – «граница, рубеж»). «Именно фронтиру, – пишет он, – американский интеллект обязан своими потрясающими чертами. Эти грубость и сила, соединяющиеся с проника-

тельностью и любознательностью; этот практический, изобретательный склад ума, быстро находящий средства для достижения результатов; это мастерское понимание сути материального мира, лишенное артистизма, но мощное в достижении великих целей; эта неугомонная нервная энергия <...> – все это особенности фронта или же свойства, которые оказываются нужны в других местах в связи с его существованием» [19, с. 39]. На протяжении последующей четверти века Тернер на примере историко-культурного развития США развивал *теорию фронта*, тем самым способствуя, несмотря на критику, интересу к истории открытия и освоения малообжитых пространств и определению значения этих процессов в формировании нации и государства. Антропогеография Ратцеля, учение о фронтире Тернера, давшее толчок развитию *frontier history*, возникшая позже *borderlands history* (история пограничья) наряду с *New Western history* (новой историей североамериканского Запада) трансформировали научное понимание истории всего североамериканского континента, показав, что границы играют значительную роль в формировании социокультурных сообществ и их культурно-антропологических особенностей.

Концепт *фронтир* начали применять не только по отношению к истории США, но и к другим странам, которые имели колониционный опыт (Канада, Бразилия, Аргентина, Австралия). Такой опыт был и у России. В 1940–1950-е гг. американские исследователи Д. Тредгольд, Б. Самнер, Р. Пирс и др. предприняли попытку рассмотреть через призму фронта историю Сибири, на территории которой тоже сформировалась мультикультурность, а автохтонное население находилось в процессе ассимиляции с русскими переселенцами.

Что касается российской исторической науки, то В. О. Ключевский в своем «Курсе русской истории» ввел понятие «колонизация» – процесс хозяйственного освоения и заселения новых территорий (речь идет о колонизации Сибири) [14, с. 50–53]. Можно сказать, что историк в некотором смысле также подключился к обсуждению феномена подвижной границы, при этом задав иную парадигму дискуссии, в которой важнейшими со-

ставляющими жизни общества являются экономические и политические факторы и, соответственно, другие имеют второстепенное значение. Термин «фронтир» в отношении приращения территорий и формирования соответствующего культурного пространства в российской, а затем в советской исторической науке не использовался применительно ни к истории России, ни к истории США.

Более того, советская историография неизменно подчеркивала принципиальную ущербность «буржуазного» географического детерминизма. Поэтому в советской исторической науке теория фронта получила негативную оценку. В 1962 г. тогда еще молодой историк-американист Н. Н. Болховитинов (в будущем заведующий отделом истории США и Канады, руководитель Центра североамериканских исследований ИВИ РАН) в журнале «Вопросы истории» выступил с критической статьей «О роли подвижной границы в истории США», в которой сделал вывод о неправомерности применения теории фронта Ф. Тернера для объяснения расширения территориальных границ США [9]. Это автоматически подразумевало невозможность применения ее к анализу российской истории. Правда, тогда же Г. Н. Севостьянов (заведующий сектором США и Канады Института истории АН СССР) высказался за развертывание сравнительно-исторических исследований (американский Запад – российская Сибирь). Но именно в условиях кризиса исторической науки рубежа веков его призыв написать работы по сравнительной истории американского фронта и сибирского порубежья встретил благоприятный отклик.

Одним из первых, кто отозвался на этот призыв, был А. Д. Агеев [1–6]. За ним и другие российские исследователи истории Сибири обратились к фронтиру как к методологической категории [17; 23; 25–27]. Фронтир в рамках предложенного Н. Ю. Замятиной подхода – «зона особых социальных условий, а не граница территории, находящейся под юрисдикцией государства, и уж тем более не граница территории, разведанной ее жителями» [13, с. 77]. Д. Я. Резун и М. В. Шиловский уточняют, что «фронтир возможен только при встрече и контакте двух

культур разного уровня цивилизационного развития» [17, с. 17]. В свою очередь, А. С. Хромых предложил трактовать фронтир как «некоторую зону особых социальных условий, возникающих в результате контактов разноуровневых цивилизаций, приводящих к формированию нового общества или сообщества» [26, с. 112]. В то же время, несмотря на неполное совпадение взглядов, российские ученые пришли к выводу, что американский фронтирный опыт не был равносильным аналогичному опыту других государств – освоение земель давало неодинаковые результаты. В одних странах освоение способствовало росту экономики, развитию социально-политических отношений, в других – возрождало архаические уклады.

С полем исследования границы / фронта, связано понятие *пограничье*, которое может рассматриваться не только как экономико-географический, но и как социокультурный и социально-антропологический феномен. Его особенности в определенной степени детерминированы типом государственной границы. Ведь границы государства одновременно, отмечает О. А. Филиппова, могут быть по отношению к одному соседу «мягкими», «открытыми», «коммуникативными», «инклюзивными», выступать «соединительными мостами», а по отношению к другому – «жесткими» [22, с. 396]. В то же время «человеком границы» может называться не только индивид, живущий на границе двух государств, а также тот, кто вынужден постоянно отстаивать свою культурную идентификацию в окружении идеалов и паттернов иной культуры. Поэтому пограничье можно трактовать как особое состояние «человека границы», существующего в рамках как минимум двух культур, двух языков. Таким образом, на формирование человека пограничья оказывают влияние не только государственные, но и культурные и этнические границы.

Все это обуславливает актуальность исследования не просто феномена пограничья, его социокультурной специфики, а человека и черт его сознания в ситуации пограничья, когда происходит интенсивное взаимодействие с иными культурами и задействуются основные коммуникативные стратегии: *ассимиляция*,

которая в качестве варианта *аккультурации* приводит к полной идентификации с новой культурой; *сепарация*, представляющая собой отрицание иной культуры при сохранении своих социокультурных особенностей; *маргинализация*, означающая потерю исходных культурных качеств и необретение нового социокультурного багажа, чужеродность как для исходной, так и для новой культуры; *интеграция*, характеризующаяся идентификацией личности как со старой, так и с новой культурами.

Почти всегда «человек границы» – это личность трагическая, болезненно реагирующая на окружающий мир и борющаяся с ним. Подобное мироощущение придает особую значимость пограничным диалогам. Столкновение взглядов, постоянное соотнесение «своего» и «чужого», бесконечный обмен культурным опытом – все это способствует культурному обогащению личности, давая возможность существовать на границе пересечения культур. С точки зрения продуктивности коммуникации пограничье становится передовой областью, авангардом межкультурного общения. В свое время М. М. Бахтин высказывал мысль, что каждая культура живет только в вопрошании другой культуры, великие явления в культуре рождаются только в диалоге различных культур, в точке их пересечения. «Каждый культурный акт, – отмечал он, – существенно живет на границах: в этом его серьезность и значительность; отвлеченный от границ, он теряет почву, становится пустым, заносчивым, вырождается и умирает» [7, с. 24].

Проблему границы / пограничья по-новому высветил процесс глобализации. Закономерно, что он сопровождается динамичными трансформациями культурных границ, возникновение и исчезновение которых является неизбежным следствием развития цивилизации. Многочисленные конфликты в современном мире происходят все больше на почве культурных различий, нежели из-за экономических или политических разногласий, на что обращал внимание С. Хантингтон в своей статье «Столкновение цивилизаций»: «...важнейшие границы, разделяющие человечество, и преобладающие источники конфликтов будут определяться культурой», а не идеологией и экономикой

[24, с. 38]. Этот же тезис вошел в его книгу «Столкновение цивилизаций и перестройка мирового порядка»: «В мире после холодной войны самые важные различия между народами – не идеологические, политические или экономические, а культурные», «межцивилизационные пограничья в современном мире – это в первую очередь зоны конфликта, борьбы» [24, с. 185, 396].

В этих условиях, несомненно, возрастает роль пограничья как «области особого культурного, политического и экономического взаимодействия, обуславливающего готовность резидентов пограничья к культурному транзиту, а следовательно, способных выступать в бинарной роли посланников своей культуры, посредников, живущих на границе, и в то же время реципиентов чужой культуры, в первую очередь испытывающих на себе культурное влияние пограничного народа и несущих далее усвоенные ценности вглубь своей территории» [11, с. 188]. Пограничье выступает как канал межкультурной трансляции, как территория активного диалога и сотрудничества между носителями различных культурных традиций. Но не только. Как отмечают Т. В. Воронченко и Н. Н. Сокольских, оно становится и «зоной культурного риска, в которой не только реализуется межкультурный диалог, но и имеет место соперничество за контроль над культурным и социальным пространством» [11, с. 191]. Влияние глобализации в пограничье ощущается наиболее остро.

В то же время можно говорить о появлении принципиально нового культурного образования, которое можно обозначить термином *трансграницье* и описать в качестве подвижной границы, у которой нет четкой географической локализации и которая, по определению исследователя пограничья Ф. Ломели, «распространяется на север и на юг, создавая зоны общих интересов, где глобализация играет важнейшую роль, а нескончаемый поток иммигрантов, стремящихся на север, и непрерывный поток корпораций, идущих на юг, вместе создают новый глобальный регион, третью культуру, альтернативный мир всеобщих желаний и надежд» [11, с. 189]. Миграционные потоки из государств Ближнего Востока и Африки захлестывают европей-

ские государства, жители среднеазиатских государств, республик Северного Кавказа активно переселяются в Россию, на ее Дальний Восток нацелена миграционная экспансия из Китая.

Оформившись в новую междисциплинарную область, исследования пограничья приобрели столь значительное разнообразие и популярность, что в научную повестку, естественно, вошла идея попробовать рассмотреть сквозь призму концепта «пограничье» историко-социокультурный ландшафт Беларуси. И, действительно, в последние несколько лет в сообществе белорусских интеллектуалов концепт «пограничье» не просто стал востребованным, но в его левой фракции возникла и в определенной степени институционально закрепились позиция, предлагающая обратиться к Беларуси как к своеобразному социально-культурному пограничью или части регионального пограничья [8; 20; 21].

Итак, является ли пограничье *периферией*, что такое белорусская культура в контексте пограничья и какова белорусская национальная и культурная *идентичность* в ситуации пограничья? Философ И. М. Бобков, отметившийся одной из первых исследовательских разведок методологических возможностей концепта для изучения Беларуси, считает, что Беларусь как государство вся целиком является такой зоной пограничья, но при этом не является периферией. Белорусская культура, «как цельная и полная», «может *состояться* – в сегодняшних условиях – только как *культура пограничья*, как культура внутренней разграниченности, встречи и перехода отличных (разнонаправленных, конфликтных) культурных частей», – пишет исследователь [8, с. 136]. И успешность этого заключается в осознании и принятии транскультурности в качестве не только ситуации существования, но и определения самого себя. Отличительная черта пограничья – транскультурность, означающая «присутствие в культурном пространстве многочисленных Других, наличие разнообразных границ, вынужденность практик перехода этих границ» [8, с. 133].

Первичная концептуализация Беларуси как своеобразного «пограничья» сравнительно быстро завоевала популярность, чтобы из гипотезы и точки зрения превратиться в одну из моделей осмысления социально-культурной ситуации, а также

«переосмысления и концептуализации социальных связей, объединяющих белорусское общество» [10]. Сама же ситуация пограничья выступила в качестве контекста и/или структурного элемента политики национальной идентичности, в частности, *белорусской*. Она в большинстве работ предшествующего периода рассматривалась с точки зрения становления белорусской нации как коллективного социального субъекта и ее самоопределения в качестве социальной общности. Это важный тренд, сохранивший и сегодня сильные позиции. В то же время появились работы, в которых белорусская идентичность рассматривается через выявление белорусской самобытности и уникальности, которую следует обнаруживать и развивать. Предлагается восстановление диалога белорусской и европейской культуры [12], возрождение белорусской культурной традиции через исследование «подлинного этнического субстрата» [18]; обращение к «тутэйшасці» как к основанию этнокультурного самоопределения [16]. Выдвигается идея рассматривать белорусскую идентичность как компонент социальной идентичности, как осознание отдельным человеком своей принадлежности к белорусам. Так, О. Н. Шпарага рассматривает идентичность как культурно-исторический смысл, возникающий в рамках того или иного сообщества, который «индивид может себе присвоить» [28], предлагая, таким образом, версию национальной идентичности, фактически не связанную с этнокультурными, территориальными или политическими границами Беларуси. Ведь современная культура все очевиднее представляет собой пространство смещения любых границ – территориальных, политических, социальных и цивилизационных.

Таким образом, концепты «фронтир» – «граница» – «пограничье» стали удобными инструментами для организации дискуссии, в центре которой находятся проблемы национально-культурного состояния современного общества и социальной идентичности. Такое обсуждение необходимо разворачивать с участием историков, культурологов, социологов и антропологов тоже на *границе*, но – интеллектуальных областей, на междисциплинарном, культурно-символическом *фронтире* производства нового научного знания.

Литература и источники

1. *Агеев, А. Д.* Американский «фронт» и сибирский «рубеж» как факторы цивилизационного разлома / А. Д. Агеев // Американский и сибирский фронт: материалы Междунар. науч. конф., Иркутск, 4–6 окт. 1996 г. – Томск: Изд-во ТГУ, 1997. – Вып. 2: Американские исследования в Сибири. – С. 30–36.
2. *Агеев, А. Д.* Продвижение России в Северную Америку как продолжение «покорения» Сибири / А. Д. Агеев // Диалог культур народов России, Сибири и стран Востока: докл. науч.-теорет. конф., Иркутск 13–15 окт. 1998 г. – Иркутск: Иркут. гос. пед. ун-т, 1998. – Кн. 1. – С. 91–94.
3. *Агеев, А. Д.* Соперничество держав на американском Северо-Западе в конце XVIII – первой половине XIX века / А. Д. Агеев // Вести. междунар. центра азиатских исследований. – Иркутск: Иркутск. гос. пед. ун-т, 1999. – № 1. – С. 104–110.
4. *Агеев, А. Д.* Сибирский и американский сепаратизм / А. Д. Агеев // Россия и Восток: взгляд из Сибири в конце столетия: материалы и тез. докл. к междунар. науч.-практ. конф., Иркутск 27 мая 2000 г. – Иркутск: Оттиск, 2000. – Т. 2. – С. 10–14.
5. *Агеев, А. Д.* Движение на восток как русское «предопределение судьбы» / А. Д. Агеев // Памяти профессора С. В. Шостаковича. К столетию со дня рождения: воспоминания и науч. ст. – Иркутск: Оттиск, 2002. – С. 72–97.
6. *Агеев, А. Д.* Сибирь и американский Запад: движение фронтиров / А. Д. Агеев. – М.: Аспект Пресс, 2005. – 330 с.
7. *Бахтин, М.* Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве / М. Бахтин // Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. – М.: Худож. лит., 1975. – С. 5–71.
8. *Бобков, И.* Этика пограничья: транскультурность как белорусский опыт / И. Бобков // Перекрестки: журн. исслед. восточноевропейского пограничья. – 2005. – № 3–4. – С. 127–136.
9. *Болховитинов, Н. Н.* О роли подвижной границы в истории США / Н. Н. Болховитинов // Вопросы истории. – 1962. – № 9. – С. 57–74.
10. *Водолажская, Т.* К постановке проблемы белорусской идентичности [Электронный ресурс] / Т. Водолажская // Методология. by. – Режим доступа: <http://methodology.by/?p=693>. – Дата доступа: 27.08.2015.
11. *Воронченко, Т. В.* Трансформация культуры пограничья в эпоху глобализации / Т. В. Воронченко, Н. Н. Сокольских // Гуманитарный вектор. Сер. Философия, культурология. – 2012. – № 3. – С. 187–192.
12. *Екадумов, А.* Бездомная нация из европейского дома / А. Екадумов // Arche. – 1999. – № 1. – С. 199–205.
13. *Замятина, Н. Ю.* Зона освоения (фронт) и ее образ в американской и русской культурах / Н. Ю. Замятина // Общественные науки и современность. – 1998. – № 5. – С. 75–89.
14. *Ключевский, В. О.* Курс русской истории. Ч. 1 / В. О. Ключевский // Ключевский В. О. Сочинения: в 9 т. – Т. 1. – М.: Мысль, 1987. – 430 с.

15. *Морачевская, К. А.* Приграничность и периферийность как факторы развития приграничных с Белоруссией регионов России: автореф. ... канд. геогр. наук: 25.00.24 / К. А. Морачевская. – М.: МГУ, 2013. – 22 с.

16. *Насута, А.* Харызма тутэйшасці / А. Насута // *Druvis. Almanach Centru Etnakasmalogiji*. – 2005. – № 1. – С. 163–173.

17. *Резун, Д. Я.* Сибирь, конец XVI – начало XX века: фронтир в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов / Д. Я. Резун, М. В. Шиловский. – Новосибирск: Сова, 2005. – 193 с.

18. *Санька, С.* Традыцыяналіскі погляд на традыцыю: «прэзумпцыя ауа-хтоннасці» й «дэканструкцыя традыцыі» / С. Санька // *Анталёгія сучаснага беларускага мыслення*. – СПб.: Невский простор, 2003. – С. 46–63.

19. *Тернер, Ф.* Значение фронта в американской истории // Ф. Тернер. Фронтир в американской истории / пер. с англ. – М.: Весь мир, 2009. – 303 с.

20. *Филатов, А.* Беларусь как пограничье: несколько замечаний о судьбе исследовательского направления / А. Филатов // *Перекрестки: журн. исслед. восточноевропейского пограничья*. – 2007. – № 3–4. – С. 5–24.

21. *Филатов, А.* Идея «пограничья» как политика идентичности / А. Филатов // *Палітычная сфера*. – 2008. – № 10. – С. 39–47.

22. *Филиппова, О. А.* «Граница» и «пограничье» в контексте политик идентичности / О. А. Филиппова // *Методология, теория и практика социологического анализа современного общества: сб. науч. работ*. – Харьков: ХНУ имени В. Н. Каразина, 2010. – Вып. 16. – С. 394–401.

23. *Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв. общее и особенное*. – Новосибирск: РИПЭЛ плюс, 2001. – Вып. 1. – 113 с.

24. *Хантингтон, С.* Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон; пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. – М.: АСТ, 2006. – 571 с.

25. *Хромых, А. С.* Проблема «сибирского фронта» в современной российской историографии / А. С. Хромых // *Вестн. Челяб. гос. ун-та* – 2008. – № 5. – Вып. 23. История. – С. 106–112.

26. *Хромых, А. С.* К вопросу о применении понятий «колонизация» и «фронтир» в изучении истории Сибири / А. С. Хромых // *Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы*. – Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 2009. – С. 108–113.

27. *Хромых, А. С.* Русская колонизация Сибири последней трети XVI – первой четверти XVII века в свете теории фронта: автореф. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / А. С. Хромых. – Красноярск, 2009. – 31 с.

28. *Шпарага, О.* Поиск идентичности в контексте пограничья: беларуская версия (первое приближение) [Электронный ресурс] / О. Шпарага // Режим доступа: <http://belintellectuals.com/discussions>. – Дата доступа: 27.08.2015.